

Петр Валуев

Религиозные смуты и гонения.

От V в.

до XVII в.

Петр Александрович Валуев

Религиозные смуты и гонения. От V в. до XVII в.

Аннотация

«Два разных потока приобретают в наше время возрастающее влияние в сфере мысли и жизни: научный, вступивший в борьбу с догматическими верованиями, и религиозный, направленный к их защите и к возбуждению интенсивности церковной жизни. С одной стороны, успехи опытных наук, разъяснив многое, что прежде казалось непостижимым, наводят на мысль, что самое понятие о непостижимом преимущественно опиралось на одно наше неведение и что нельзя более верить тому, чему мы до сих пор верили. С другой стороны, практика жизни и всюду всколыхавшаяся под нами гражданская почва возвращают во многих мысль к убеждению, что есть нечто, нам недоступное на земле, нечто высшее, нечто более нас охраняющее и обеспечивающее, чем все кодексы и все изобретения, нечто исключительно уясняющее тайну нашего бытия – и что это нечто именно заключается в области наших преемственных верований. Движение двух потоков не одинаково. Первый течет ровно, спокойно, самоуверенно, отражая в своих водах обрывы подмываемых им берегов догматики. Второй встречает препятствия на своем пути, задерживается, разветвляется, потом

озаряется внезапным светом, вновь соединяет свои струи и оставляет за собою, в обновленном виде, берега, подмытые другим потоком...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Петр Валуев

Религиозные

смуты и гонения.

От V в. до XVII в.

I

Два разных потока приобретают в наше время возрастающее влияние в сфере мысли и жизни: научный, вступивший в борьбу с догматическими верованиями, и религиозный, направленный к их защите и к возбуждению интенсивности церковной жизни. С одной стороны, успехи опытных наук, разъяснив многое, что прежде казалось непостижимым, наводят на мысль, что самое понятие о непостижимом преимущественно опиралось на одно наше неведение и что нельзя более верить тому, чему мы до сих пор верили. С другой стороны, практика жизни и всюду всколыхавшаяся под нами гражданская почва возвращают во многих мысль к убеждению, что есть нечто, нам недоступное на земле, нечто высшее, нечто более нас охраняющее и обеспечивающее, чем все кодексы и все изобретения, нечто исключительно уясняющее тайну нашего бытия – и что это нечто

именно заключается в области наших преемственных верований. Движение двух потоков не одинаково. Первый течет ровно, спокойно, самоуверенно, отражая в своих водах обрывы подмываемых им берегов догматики. Второй встречает препятствия на своем пути, задерживается, разветвляется, потом озаряется внезапным светом, вновь соединяет свои струи и оставляет за собою, в обновленном виде, берега, подмытые другим потоком.

Христианский мир, в котором с самых начатков его исключительно сосредоточилось *поступательное* движение человеческой мысли, представляет в наше время ряд самых противоречивых явлений. В Риме, столице Италии, недавно, например, праздновалось с торжественностью пятидесятилетие священства верховного пастыря латинской церкви. Оно праздновалось при участии представителей всего латинского мира и многих других стран; но король и правительство самой Италии в нем не участвовали, подчиняясь временным условиям политического свойства. Во Франции, с одной стороны, религиозные символы изгоняются из школы, и отчуждение государства от церкви официально признается; но с другой – влияние духовенства тем не менее сохраняет свою силу в среде сельских и высших классов населения. В Германии продолжавшаяся в течение нескольких лет упорная борьба между правительством и латинской церковью привела только к утверждению этой церкви в том положении, в каком она находилась до начала борьбы. Между

тем среди евангелическо-лютеранской церкви возникла новая агитация, направленная к созданию для нее более независимого положения в государстве и к установлению в ней самой цельности и единства, противоречащих коренному началу протестантизма. В Англии наступательные действия диссентеров против государственного англиканства встречают с его стороны усиленный отпор, и в то же время латинская церковь продолжает распространять круг своих последователей, а близкое к ней ритуалистическое движение не подавляется принятыми против него карательными мерами. Христианство, таким образом, везде поставлено, с одной стороны, в оборонительное положение и вновь как бы призывается оправдывать и отстаивать свои права господства в мире; а между тем христианские церкви по-прежнему относятся неприязненно одна к другой и как будто не сознают своей солидарности ввиду враждебных им сил.

Впрочем, история христианской Церкви, в ее совокупности, и христианских церквей, в отдельности, не составляет в наше время предмета тщательного изучения. Она вошла в общий круг исторических дисциплин и даже между ними не занимает почетного места. Большинство образованных людей менее точно и подробно знают историю Вселенских соборов, разделения церквей и реформации, чем историю Пелопоннесской и Пунических войн, или римских императоров, или открытия Америки, или войны за наследство испанского престола. Между тем многое в нынешнем быте

церквей объясняется только предыдущими фазисами их истории, и многое в этой истории так тесно связано с другими историческими событиями, что в виду их она как будто отходит на дальний план, или теми событиями заслоняется, или с ними смешивается. Таким образом в нашей памяти сохраняются о некоторых фактах церковной истории только отрывочные и недостаточно определенные представления. Сюда относятся, между прочим, бывшие в разные времена и в разных странах гонения за веру или из-за веры. Мы все знаем, что такие гонения происходили; мы помним их, так сказать, огульно и помним, в отдельности, такие выдающиеся явления, как испанскую инквизицию, тридцатилетнюю войну, правление герцога Албы в Нидерландах (и то преимущественно благодаря Шиллеру и Гёте) и Варфоломеевскую ночь. Но относительно продолжительности, преемственности, размеров, форм и психологической основы религиозных междуусобиц, преследований и гонений мы большею частью ограничиваемся смутными и шаткими понятиями. В настоящем очерке имеется в виду представить читателю одну сжатую хронику таких междуусобиц, преследований и гонений, с половины V века, потому что тогда уже был решен арианский спор и Вселенскими соборами окончательно установлены коренные христианские догматы, до конца XVII века, потому что отмена Нантского эдикта была в Европе последней мерою жестокой религиозной нетерпимости, направленной против масс безвинного населения.

Психологическая основа междуусобиц и гонений заключалась в изумительном сочетании христианских верований с совершенно нехристианскими способами распространения и защиты этих верований. В наше время нам продолжают быть понятными твердость, самоотвержение и, во многих случаях, геройское мужество гонимых. Гнет всегда усиливает встречаемое сопротивление, а в делах веры он возбуждает чувства нравственного долга, ставит прямой вопрос между земным и горним и вызывает энтузиазм, доходящий до фанатизма. Напротив того, нам трудно уразуметь действия гонителей, трудно понять их бесчеловечную свирепость, не щадившую ни возраста, ни пола, их изобретательность по части пыток и казней, их пренебрежение к нравственным страданиям и их равнодушие при виде физических мук. Мы достоверно знаем, что многие из них были люди безукоризненные в нравственном отношении, даже человеколюбиво-благотворительные, притом искренне веровавшие в истину тех христианских начал, которым их зверская жестокость так явно противоречила. Единственное объяснение этого противоречия можно находить в извращении человеческих чувств превратным пониманием своего долга, которое происходило от непреклонной суровости догматических убеждений. Мысль, что вне резко очерченного катехизического пути нет спасения для души человека, лежит в основании всех средневековых религиозных преследований и всех пыток и казней испанской инквизиции. Эта мысль

упрочилась уже в первые века христианства. Бл. Августин утверждал, что если из двух детей одной матери один ребенок случайно умер до крещения, то его душа обречена на вечную погибель¹, а по другому поводу ставил вопрос: *Что может быть смертоноснее для души, чем свобода заблуждений?*² В пытках и мучительных казнях усматривали для еретиков ту пользу, что они побуждали их к отречению от ересей и как будто предоставляли для раскаяния льготный срок³. Постепенное смягчение нравов постепенно смягчало и практическое применение догматических взглядов; но они, тем не менее, долго сохраняли свою силу, и их влияние отражалось в проливаемых потоках крови. Веротерпимость признавалась преступлением против самой веры; преследование – долгом веры и логической необходимостью. Даже в Англии, в царствование королевы Марии, архиепископ Гардинер и другие богословы утверждали, что учение о свободе совести основано на самом явном нечестии, на равнодушии к какой бы то ни было вере и что из всех видов преследования самый жестокий и кровавый наиболее может быть оправдан, как наиболее действительный⁴. Тот же самый дух нетерпимости господствовал и между пресвитерианцами. «Папизм, – говорит Бакс-

---

¹ *Lecky*. History of rationalism in Europe. 4-th ed. I, p. 386.

² *Quid est enim peior, mors animae, quam libertas erroris?* (Ep. CLVI).

³ *Lecky*, I, с. II, p. 34.

⁴ *Hume*. History of England. Ed. 1840, p. 361, 362.

тер⁵, – магометанство, неверие и язычество суть пути к вечной гибели (damnation); но свобода их проповедовать и со-
вращать есть способ делать из людей папистов, магометан,
неверных и язычников; следовательно, эта свобода есть путь
к вечной гибели людей». Замечательны также отзывы Пас-
каля о младенцах, обреченных на такую гибель⁶, и Ж.-
Ж. Руссо и Чарльза Фокса – о невозможности согласовать
веротерпимость с крайними догматическими взглядами⁷.

Не без основания сказано Граттаном, что совесть, стесня-
ющая всякие пороки, сама становится источником пороков
в деле религиозных гонений⁸.

---

⁵ Holy Commonwealth, 2nd preface.

⁶ «Qu'y a-t-il de plus contraire aux règles de notre misérable justice que de damner éternellement un enfant incapable de volonté pour un péché oui) paraît avoir eu si peu de part, qu'il est commis six mille ans avant qu'il fût un être? Certainement rien ne nous heurte plus rudement que cette doctrine, et cependant sans ce mystère le plus incompréhensible de tous, nous sommes incompréhensibles à nous-mêmes» (*Pascal*, Pensées, III, 8).

⁷ «Ceux qui distinguent l'intolérance civile et l'intolérance theologique se trompent à mon avis. Ces deux intolérances sont inséparables. Il est impossible de vivre en paix avec des gens qu'on croit damnés. Les aimer serait haïr Dieu qui les punit; *il faut absolument qu'on les ramune ou qu'on les tourmente*» (*J. J. Rousseau*, Contrat Social, IV, 8). // «The only foundation for tolerance is a degree of scepticism, and without it there can be none. For if a man believes in the saving of souls, he must soon think about the means, and if by cutting off one generation he can save many future ones from hell, it is his duty to do it» (*Lecky*, II, 10).

⁸ «Conscience, which restrains every vice, becomes the prompter here» (*Lecky*, II, p. 65).

II

После Эфесского собора 449 года, известного в истории под наименованием *разбойничьего*, вследствие насилий, совершенных председательствовавшим на нем александрийским архиепископом Диоскором⁹, император Маркиан, заменивший на византийском престоле императора Феодосия, созвал в Халкедоне законный Вселенский собор, бывший по счету четвертым Вселенским. Всех отцов было на нем до 630. Председательствовал Анатолий Константинопольский. Собор осудил действия Диоскора и его единомышленников, низложил Диоскора и по догматической части точнее определил вероучение, противное несторианству и восторжествовавшему на Эфесском соборе монофизитству. После собора император издал строгие законы относительно монофизитов. Приказано было всем принимать учение, определенное Халкедонским собором, а монофизитов ссылать в заточение или изгонять: сочинения их сжигать, а за распространение их – казнить¹⁰.

Таким образом правительственная власть распространи-

---

⁹ Собранная им толпа ворвалась в церковь, где заседал собор; начатые акты были изорваны, у писцов отбиты пальцы; патриарх Флавиан и многие епископы подверглись побоям и были выгнаны. Вслед за тем Флавиан, по распоряжению Диоскора, был заключен в оковы и претерпел такие жестокие истязания, что через три дня умер.

¹⁰ *Смирнов*. История христианской церкви, 4-е изд., с. 269, 271.

ла на всех последователей еретических учений действие карательных мер, которым прежде подвергались основатели этих учений и еретики духовного сана или звания. Епископы были низлагаемы, ссылаемы, заточаемы; пресвитеры и монахи были гонимы; борьба между враждебными партиями сопровождалась кровопролитием; но религиозные раздоры, тем не менее, имели преимущественно характер междоусобиц. Со второй же половины V века эти раздоры представляют общую черту с прежними гонениями, направленными против христиан языческими властями. Место единоличных преследователей заступает огульное преследование всех последователей того или другого учения, осуждаемого, как во время иконоборческих распрей, правительственной властью.

В течение VI и VII веков церковные смуты продолжались под видом монофизитской, а затем монофилитской ересей, по временам находивших себе поддержку или некоторую терпимость в среде самого правительства¹¹.

В начале VIII, при императоре Льве Исаврянине, началось гонение иконопочитателей. В 730-м году издан эдикт,

---

¹¹ При императорах Василиске, Зеноне, Анастасии, Юстиниане (по влиянию императрицы Феодоры), Ираклии и Констансе II. При последнем папа Мартин был схвачен в церкви и привезен в Константинополь вместе с ревностным защитником православия Максимом Исповедником. Мартин сослан в Херсонес, где он умер с голода в 655 г.; Максиму вырезали язык, отрубили руку и затем отправили в ссылку на Кавказ, в землю лазов. Там он умер в 662 г. (*Смирнов. История христианской церкви*, с. 272–286).

которым повелевалось вынести иконы из храмов. Епископы, противившиеся этому распоряжению, низложены; мятежи, им возбужденные, подавлены силою; иконы выведены из церковного употребления. Но, несмотря на жестокости императора, домашнее иконопочитание продолжалось.

По смерти Льва Исаврянина гонение икон было приостановлено захватившим престол его зятем, Артабардом, но возобновилось еще с большей силой при сыне Льва, Константине Копрониме, который в 743 году свергнул Артабарда с престола. В 754 году он собрал в Константинополе собор, который назвал Вселенским. На соборе было 338 епископов. Он постановил, что иконопочитание есть идолопоклонство и предал анафеме всех его защитников, в том числе особенно Иоанна Дамаскина. Определения собора приводились в исполнение с необыкновенной жестокостью. Преследование простиралось на домашнее иконопочитание, на почитание святых и их мощей и на монашескую жизнь; монахи были изгоняемы, а некоторые из них, открыто порицавшие действия императора, были предаваемы мучительной смерти. Воля императора исполнялась везде, кроме Рима¹².

После смерти Константина Копронима и его сына, Льва Хозара, вдова последнего, императрица Ирина, управляя государством в малолетство его сына, Константина Порфирородного, восстановила иконопочитание и в 787 году созвала в Никее собор, на котором присутствовали 367 отцов. Хотя

---

¹² *Смирнов*. История христианской церкви, с. 287–290.

в числе их были и иконоборческие епископы, но они составляли меньшинство и отреклись от иконоборства. Этот собор признается вторым Никейским и седьмым Вселенским. Однако же при императоре Льве Армянине, в первые годы IX века, иконоборство снова взяло верх. Возобновлялись прежние гонения, ссылки и разрушение монастырей. Почитание икон окончательно восстановлено только при императрице Феодоре, управлявшей государством во время малолетства сына, Михаила III, в 842 году¹³.

Дальнейшие судьбы церкви на Востоке и Западе предопределились двумя главными историческими событиями: отделением западной латинской церкви от католической восточной, окончательно совершившимся в XI веке, и постепенным завоеванием византийского Востока магометанами, завершённым в 1453 году падением Константинополя. В оборонительном, а затем в угнетённом положении восточной церкви не было простора к распространению новых ересей и к религиозным преследованиям. На Западе между тем постепенно упрочилась единоличная власть римского престола, утвердилось значение подчинённой папе церковной иерархии и организовалась сильная духовная рать монашеских орденов.

Но церковная жизнь на Западе в XI–XV веках представляла, по выражению нашего историка¹⁴, ряд ненормаль-

---

¹³ Там же, с. 290–295.

¹⁴ *Смирнов*. История христианской церкви, с. 473.

ных явлений. «Папы пользовались своей духовной властью только для приобретения мирского господства и являлись не столько иерархами церкви, сколько деспотами, попиравшими все законы нравственности и справедливости; епископы, также в большинстве не отличавшиеся нравственностью, заботились только о мирских интересах; клирики поражали своим невежеством и нравственной испорченностью; народ, при отсутствии всякого знакомства с истинами христианства, погружен был в суеверия. Словом, церковная жизнь на Западе приняла чувственное направление, и церковь поэтому представляла из себя не столько божественное учреждение, сколько человеческое. Такое омирщение церкви в людях, дороживших интересами религии, возбуждало недовольство и протесты. Протесты нередко доходили до того, что недовольные строем жизни в господствующей церкви отдалялись от нее и образовывали самостоятельные религиозные общества... Но, вооружаясь против злоупотреблений в господствующей церкви, отделявшиеся от нее сами переступали границы дозволенного и становились сектантами».

До конца XII века карательные меры, направляемые против отпадений от церкви, имели свойство временных распоряжений и действий подлежащих властей. Они ограничивались единичными случаями, не принимая размеров огульных гонений, ознаменовавших позднейшие времена. Но учащение таких случаев привело к органической системе преследования и подавления всех сектаторских движений. Папа

Иннокентий III установил инквизицию в 1208 году; Григорий IX учредил в 1232 г. инквизиционный суд и предоставил заведование им доминиканскому ордену, а Иннокентий IV в 1259 г. разрешил на суде употреблять пытки¹⁵.

III

Еще до формального установления инквизиционного разбирательства дел о вероотступниках Иннокентий III решил принять крайние меры к уничтожению распространившейся в южной Франции секты альбигенсов¹⁶. Он с этой целью отправил туда в 1198 г. легатов с неограниченными полномочиями. Но они не имели успеха относительно обращения сектаторов, и один из них был убит в 1208 году. Тогда Иннокентий поднял на альбигенсов крестовый поход под главным предводительством графа Симона Монфортовского. Его войско, составленное большей частью из отчаянных разбойников, целых двадцать лет опустошало владения графа Тулузского, покровительствовавшего сектаторам. При взятии одного города Безьера побито 20 000 человек

---

¹⁵ *Смирнов*. История христианской церкви, с. 474, 475.

¹⁶ Альбигенсы, или кафары, назывались так от города Альбы, считавшегося их центром. Их учение было сходно с учением восточных павликиан и богомилов и не чуждо манихейскому дуализму. На таинства и на всю обрядовую сторону религии они смотрели, как богомилы. Они отвергали папство и иерархию и не придавали значения Ветхому завету. В жизни они были аскетами и признавали себя под непосредственным водительством св. Духа.

обоего пола и всех возрастов. При этом папский легат, цистерианский аббат Арнольд, в виду нерешительности крестоносцев, опасавшихся вместе с еретиками умерщвлять и католиков, кричал им: «Бейте всех! Господь распознает своих». При таком взгляде на дело и таких способах истребления секты она наконец была действительно почти уничтожена. Но ревность церкви озаботилась и мерами предосторожности на будущее время. На Тулузском соборе в 1239 году были постановлены строгие правила относительно дальнейшего разыскивания и наказания еретиков.

Одновременно с альбигенсами существовала на юге Франции еще другая, по общему направлению к ним подходящая, но не столь многочисленная секта, известная под наименованием вальденсов. Ее основателем был лионский купец Петр Вальда, который по изгнании из Лиона странствовал в Италии и Германии и наконец поселился в Богемии, куда перешли и некоторые из его рассеявшихся последователей. Вальденсы сначала не имели в виду отделяться от господствующей церкви, но когда лионский архиепископ запретил им евангельскую проповедь, а папа предал их проклятию, хотя сами католики одобрительно отзывались о их безукоризненно нравственной жизни, – они стали в прямую оппозицию к церкви и отчасти примкнули к кафарам. Переселившиеся в Богемию стали впоследствии в ряды гуситов.

Уничтожение ордена Рыцарей Храма (тамплиеров) при французском короле Филиппе Красивом было, в сущно-

сти, событием более политического, чем религиозного свойства. Главную цель составляло завладение имуществами ордена. Но предлогом послужили возводимые на него обвинения в отступничестве от христианства, и как суд, так и казни были облечены церковными формами. Папа Клиент V, по настоянию короля, повелел в 1308 г. произвести повсеместное следствие над членами ордена, а эссенский (Sens) архиепископ, не ожидая результатов следствия, предал постановлением областного собора великого магистра Матвея Молей и 54 рыцарей смерти на костре¹⁷. Орден окончательно упразднен папской буллой 22 марта 1312 года¹⁸.

IV

«Никакая власть, – говорит английский историк Ленки, – никакое человеческое учреждение не пролили столько безвинной крови, сколько римская церковь»¹⁹. Дошедшие до нас сведения о гонениях, предпринимавшихся ею в разные времена и в разных странах, так неполны, что в настоящее время нет никакой возможности составить себе хотя сколько-нибудь определенное понятие о числе жертв

---

¹⁷ Сохранилось предание, что Молей перед казнью на костре призвал короля к ответу пред Божий суд в годовой срок. Филипп действительно умер в том же году.

¹⁸ *Brockhaus*, XV (13-е изд.). – *Ruthardt*: Chronik der Weltgeschichte, s. 384.

¹⁹ *Lecky*, History of rationalism in Europe, II, p. 32.

этих гонений. Даже трудно приблизительно определить число жертв, причитающихся на долю правильно организованных инквизиционных трибуналов. Оран (Retention), имевший доступ к архивам инквизиции в Испании, утверждает, что по ее приговорам сожжено более 31 000 человек и более двухсот тысяч присуждено к карам менее тяжким, чем смертная казнь. Число казненных в испанских владениях в Америке, на Сицилии и Сардинии неизвестно. В Нидерландах казнено при Карле V до 50 000, при Филиппе II – до 25 000. Но эти цифры еще не так красноречиво повествуют о настроении духовных властей, как постановление верховного инквизиционного трибунала, 16 февраля 1568 г., *присуждающее к смерти всех обывателей Нидерландов как еретиков*. Королевской прокламацией, состоявшейся десятью днями позже, это постановление утверждено и послано к исполнению. В трех строках, таким образом, присуждались к смертной казни три миллиона людей, без различия пола и возраста²⁰.

Но не одно число жертв инквизиционного изуверства приводит в ужас всякого из нас при мысли об этом кровавом, целые столетия обнимающем прошлом. Нужно еще вспомнить о варварской изобретательности тогдашних фанатиков по части пыток и казней и о придании этим казням, в некоторых случаях, вида торжества веры. Обреченных на смерть иногда сжигали на костре медленным огнем. В Испании да-

---

²⁰ *Lecky*, II, 33. Он ссылается на *Motley*, *Rise of the Dutch Republic*, II, p. 155.

же королевские бракосочетания праздновались публичными auto-da-fé. В 1680 году в Мадриде по случаю бракосочетания Карла II всенародно преданы огню осужденные евреи обоего пола. Большая площадь была убрана в виде амфитеатра. Король и королева присутствовали. Придворные дамы были в пышных нарядах. Осужденные проходили мимо них на пути к кострам. Сохранилась память о молодой 17-летней еврейке, которая поразила всех своей красотой и обратилась к королеве с просьбой о милосердии, ссылаясь на то, что она осуждена только за исповедание веры отцовской и материнской. Королева ничего не ответила, но отвела от нее глаза. Верховный инквизитор, епископ Вальдарес, был главным распорядителем торжества, и в мадридской картинной галерее память о нем увековечена картиной работы Франциска Риччи²¹.

При всей возмутительной свирепости гонений, которыми ознаменовала себя латинская церковь, было бы, однако же, весьма несправедливо ей одной приписывать дух жестокой религиозной нетерпимости и порождаемые им преследования. Тот же самый дух был свойствен и протестантским церквям. Различие в размерах и формах протестантских гонений преимущественно зависело от того, что протестантскому духовенству не принадлежали влияние и власть, которыми латинское духовенство могло пользоваться в латинских странах. Догматическое оправдание, даже догмати-

---

²¹ Ibid, p. 115.

ческая проповедь гонений и насилий одинаково встречались как в латинском мире, так и в протестантском. Кровь проливалась, *ad maiorem Dei gloriam*, в том и в другом. Одним римским папой одобрено избиение альбигенсов, другим торжественно принесено благодарственное молитвословие за Варфоломеевскую ночь. Меланхтон и другие протестантские богословы письменно выразили свое сочувствие сожжению Сервета Кальвином. Нокс (Кнох) предпочитал нападение десяти тысяч врагов отслужению в Шотландии одной латинской мессы.

Несправедливо было бы также не признавать великих заслуг западной церкви в предшествовавшие гонениям века. «В течение нескольких столетий, – говорит Лекки, – благодатное влияние церкви обнаруживалось по всем направлениям. Язычество было подавлено, и случаи преследования по делам веры встречались редко. Наказание еретиков признавалось необходимым в принципе; но ереси не возникали или, по крайней мере, не могли распространяться. Римское католичество совершенно соответствовало, в то время, умственным потребностям и общественному строю западной Европы»²². Оно не было деспотическим, потому что допускавшийся им простор мысли был на уровне требований времени. Церковь была не обособленным органом, действовавшим в виде одного из прочих элементов, друг друга уравновешивавших властей, но всеобщей, всепроникающей силой,

---

²² *Lecky*, II, p. 28 et seqq.

оживлявшей весь общественный строй. В то время образовалось типическое единство всех частей этого строя, которое впоследствии уже не восстанавливалось. Сословия, гильдии, феодальная система, монархизм, народные нравы, законы, научные занятия, даже публичные увеселения – все происходило от учения церкви и ее представителей, все осуществляло понятия и взгляды духовенства, обнаруживало одинаковые общие стремления и представляло бесчисленные черты аналогического соответствия или согласия. Коренных противоречий не встречалось. Церковь была средоточием христианского мира; ее дух проникал во все круги обыденных отношений общественной жизни и придавал особые оттенки даже тем учреждениям, которые им не были созданы. При таких условиях не было простора для ересей. Особенности той или другой ереси могут зависеть от личных свойств и взглядов ее основателя; но успех и распространение еретического учения, тем не менее, показывают, что в данное время общее настроение мысли и степень твердости верований начинают уклоняться от строя понятий и убеждений церкви. Пока церковь достаточно могущественна, чтобы образовать весь умственный быт века и определять общую точку зрения для обсуждения всех современных вопросов, – ее авторитет бесспорен. Она так верно отражает в себе совокупность народных понятий, что встречающиеся частные затруднения не могут того авторитета поколебать. Средневековое католичество обладало этим могуществом в более

полной мере, чем какая-либо организованная власть прежде или после него. Оно сплотило разнородные и анархические элементы, оставшиеся налицо после падения Римской империи, водворило в христианском мире понятие о единстве, стоящем выше всех племенных разделений и различий, и понятие о нравственных началах, превосходящих начало грубой силы; оно заменило полное рабство крепостной зависимостью, предуготовило почву для свободы и труда и создало коренные основы новейшей цивилизации. Католическая церковь своим влиянием и при помощи своей превосходной организации способствовала возникновению обширной сети политических, муниципальных и общественных учреждений, которые дали значительную долю материала для позднейшего образования почти всех учреждений нашего времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.